
На следующий день Бай Цинюнь специально нанёс визит Ян Хуаю.

Сказать по правде, умом и талантами этот парень не блеснул, однако влияние его клана перевешивало любые изъяны: богатое семейство сумело пристроить бездаря во внутренний двор секты Тяньи, прямо в ученики к одному из старейшин. По секте даже ходили слухи, будто старейшины клана Ян, опасаясь, как бы их драгоценному отпрыску не было слишком неудобно, поселили у подножия горы целую ораву слуг. Всё — лишь бы юный господин ни в чём не знал нужды и пребывал в добром здравии и хорошем расположении духа.

М-да, «золотая молодёжь» бессмертного мира — это совсем иной уровень.

— Старший брат... — смущённо и слегка заискивающе выдавил Ян Хуай, глядя на гостя.

Вчерашняя трепка всё ещё отзывалась у него в душе липким страхом.

Бай Цинюнь опустил приветствие и вместо этого молча оглядел жилище младшего брата. С тех пор как Цинюнь попал в этот мир, ему довелось видеть лишь собственные покои да конуру Е Цинхэ. У него самого всё было обустроено с нарочитым, показным изяществом, у Цинхэ — скорее напоминало развалины, готовые рухнуть от малейшего дуновения. А вот обитель Ян Хуая кардинально отличалась от обеих: она буквально утопала в роскоши, драгоценностях и редких безделушках.

В ярких лучах солнца всё вокруг слепило глаза, разя густым, неприкрытым духом вульгарного богатства. Бай Цинюнь поглядел по сторонам пару мгновений, и у него едва не заломило в висках. Как только Ян Хуай умудряется жить в такой пестроте? Впрочем, вероятно, таков уж мир богачей — простым смертным его не понять.

Сберегая собственное зрение, Цинюнь перевёл взгляд на единственный предмет в комнате, который не излучал мещанского блеска, — письменный стол. Рядом с тушечницей и кистями, также разившими духом нескромных трат, лежало несколько книжечек в простых синих обложках. На них не было ни позолоты, ни драгоценных инкрустаций — обычная бумага, которая на фоне всеобщей вульгарности выглядела до того скромно и невинно, что даже вызывала симпатию.

Бай Цинюнь искренне удивился: неужели такой недотёпа, как Ян Хуай, на досуге предаётся чтению? Он уже успел подумать, что раз юноша тянется к знанию, то его интеллект и моральный облик ещё можно спасти. Однако Ян Хуай, заметив, куда направлен взор старшего брата, вдруг вздрогнул всей тушкой и стремительным броском заслонил собой стол.

— Старший брат, пощади! — испуганно запричитал он, торопливо сгребая с края стола чистый лист рисовой бумаги и накрывая им синие книжицы. — Я... я лишь на досуге, отдохнув от медитаций, просматривал любовные романы да народные сказания! Я вовсе не хотел

осквернить твой взор этой низостью!

Он с трепетом и ужасом вглядывался в лицо Цинюня. Повелитель Ясного Света всегда дерзко строил из себя благородного бессмертного мудреца, обожал изысканные искусства и презирал низкопробное бульварное чтиво, коим увлекался его младший брат. В своё время оригинальный хозяин тела даже жестоко отчитал Ян Хуая за эту убогую страсть.

«Так это всего лишь книжонки со сказаниями...» — Цинюнь едва заметно изогнул бровь.

Теперь понятно, почему, прочтя стопки книг, Ян Хуай остался круглым дураком, коварно обработанным прошлым Бай Цинюнем. Простака использовали как пушечное мясо, а под конец, когда прежний Цинюнь пал в демонический путь, из Ян Хуая и вовсе высосали всю культивацию, переплавив его в духовный артефакт.

— Ладно уж. Если это не мешает твоим тренировкам, читай себе на здоровье, — Бай Цинюнь по-хозяйски опустился в резное кресло и с напускной родительской заботой обратился к названому брату: — Путь бессмертия тернист и полон испытаний. Тебе следует сосредоточиться на культивации, а не изводить Цинхэ по пустякам.

Бай Цинюнь испытывал к этому парню смешанные чувства. Хотя Ян Хуай был разменной монетой, пешкой из пешек, но если подумать, то именно оригинальный Цинюнь шаг за шагом толкал его на скользкий путь злодейства. Не будь манипуляций прежнего Повелителя Ясного Света, этот наивный богач со связями своего клана без труда дожил бы до седых волос, наслаждаясь беззаботной жизнью бездельного старейшины.

Ян Хуай опешил:

— Но... но этот вонюч... то есть, Е Цинхэ — обычный деревенский смертный! Старший брат, ты ведь сам раньше говорил, что стать личным учеником главы секты причитается лишь нам, выходцам из великих кланов культиваторов!

— Раньше — это раньше, а сейчас — сейчас, — отрезал Бай Цинюнь. — Находясь в беспамятстве, я узрел великое откровение и осознал: жизнь подобна мгновенному сновидению. И что с того, если ты родился в знатном клане? Тебе просто повезло оказаться под крылом предков. Но переступив порог секты Тяньи, мы все становимся её адептами и должны относиться друг к другу без спеси и предвзятости.

Ян Хуай застыл с открытым ртом, потеряв дар речи от изумления.

— К тому же пораскинь мозгами, — продолжал Цинюнь наставлять бедолагу. — Разве есть во всей нашей секте хоть кто-то, кто усерднее и старательнее Е Цинхэ? Сколько времени прошло с его прихода? А ведь он уже превзошёл тебя.

Вспомнив своё вчерашнее позорное поражение на арене, Ян Хуай густо покраснел и лишь пролепетал:

— Это... но как же...

— Если не согласен — иди и скрести с ним мечи на поединке, докажи своё превосходство делом, а не пустой болтовнёй.

Уже заноса ногу над порогом, Бай Цинюнь обернулся и нарочито громко, на весь двор, произнёс:

— Запомни! Я полностью переосмыслил свои взгляды и отныне твёрдо намерен стать образцовым старшим братом!

Голос его прозвучал раскатисто. В рощице за оградой тут же послышался суматошный треск веток. Цинюнь боковым зрением успел заметить улепётывающую стайку адептов в даосских мантиях, но окликать их не стал.

Собственно, ради их ушей эта драма и разыгрывалась.

Одной его собственной игры было мало — слухи распространялись слишком медленно. Требовалось подтолкнуть процесс извне. Убегавшие молодые люди были шестёрками Ян Хуая: пусть в культивации они не отличались успехом, зато чесать языками и разносить сплетни умели как никто другой. Сегодняшняя новость была настолько громкой, что даже страх перед авторитетом старшего брата не удержал их от искушения перемыть ему косточки.

Когда вся секта зашумит о том, что Повелитель Ясного Света кардинально изменился, Е Цинхэ волей-неволей начнёт сомневаться в своих прежних подозрениях.

Усмехнувшись этой мысли, Цинюнь достал из-за пазухи книжицу в синем переплёте — ту самую, которую он тихо умыкнул со стола Ян Хуая. В этой унылой секте Тяньи развлечений не водилось вовсе: приходилось лишь целыми днями перебираться с места на место в поиске удобного ложа. Только сегодня Цинюнь уразумел, что в этом мире существуют так называемые народные сказания. Интересно, смогут ли они соперничать с сетевыми романами из его прошлой жизни?

Довольный собой, Бай Цинюнь спрятал книжицу в духовную суму, а в его глазах блеснули весёлые искры.

Вскоре по всей секте Тяньи, словно пожар по сухой траве, расползлись слухи. И абсолютно все разговоры сводились к одной теме: невероятным переменам в поведении Повелителя Ясного

Света.

— Слыхали? Говорят, наш старший брат головой приложился! Теперь вечно бредит, совсем с ума сбрендил!

— Чушь собачья! Я из верных источников знаю: у старшего брата величайший талант, ему во сне само Небесное Дао даровало откровение!

— Откровение Дао?! Что за бред! Небесное Дао слишком глубоко и необъяснимо, с чего бы ему...

— Вот и я твержу: точно башкой трахнулся!

Этот укромный уголок на территории секты обычно пустовал, поэтому юные послушники и позволили себе так дерзко чесать языки.

Е Цинхэ, держа за спиной деревянный меч после отработки формул фехтования, проходил мимо и совершенно случайно услышал их пересуды.

Раз уж даже прислуга из глухих уголков болтает об этом, значит, вся секта Тяньи стоит на ушах?

Повреждение разума? Откровение Небесного Дао? Какой бы вариант ни оказался правдой, подобное случалось крайне редко.

Е Цинхэ и раньше приходилось видеть умалишённых: те были убогими пускателями слюней, не способными связать и двух слов. Однако его старший брат лишь сменил сдержанность и высокомерие на прямую открытость — до безумия ему было очень далеко.

Что же касается откровения Небесного Дао...

Е Цинхэ опустил взгляд на спрятанный за пазухой фолиант под названием «Записи о преданиях и курьезах совершенствования». Неспешным шагом приблизившись к подножию жертвенного алтаря, он с нетерпением раскрыл книгу и по оглавлению нашёл раздел «Необычайные проявления Дао».

Мелкий и частый иероглифический почерк рябил перед глазами. На страницах описывалось множество диковинных происшествий. Какой-то бродячий культиватор увидел во сне золотую гору, а проснувшись, обнаружил, что вся его обитель заставлена первоклассными духовными артефактами. Какой-то бессмертный правитель в битве получил удар мечом прямо в голову, но каким-то чудом выжил и после этого стал объявлять себя воплощением древнего владыки.

Е Цинхэ бегом пробегал строчки глазами и спустя четверть часа наконец наткнулся на нужные сведения:

«В семьдесят четвёртый год Эры Дао демонический культиватор Сюй Фугуй совершил неисчислимое количество злодеяний. Небеса обрушили на него сорок девять ударов небесной кары. Преступник выжил лишь чудом, однако, придя в себя, испытал великое прозрение. Он полностью отрёкся от жестокости, обрёл милосердное сердце и на протяжении сотни лет врачевал больных и спасал умирающих в мире смертных, пока в сто семьдесят четвёртый год Эры Дао не скончался в умиротворении».

«Неужели подобное действительно возможно?» — Е Цинхэ ошеломлённо вглядывался в строчки.

Эту книгу он нашёл в книгохранилище секты. Тяньи являлась одним из величайших орденов бессмертных, и в её библиотеке не держали фальшивок. Записанные здесь события наверняка были правдой. Неужели Небесное Дао способно на такое — в одно мгновение изменить сущность до неузнаваемости и заставить его раскаяться?

Впрочем, Сюй Фугуй принял на себя кару молниями, а его старший брат просто впал в беспамятство. Ситуации не совсем одинаковые. Но с другой стороны, Сюй Фугуй был кровавым демоном, уничтожавшим города, а Цинюнь, хоть и отличался придирчивостью да тщеславием, всё же оставался старшим учеником благородной секты Тяньи. Вполне вероятно, что Небеса проявили снисхождение и избрали более мягкую меру наказания.

Е Цинхэ погрузился в раздумья, когда небосвод рассекла яркая белая вспышка. Заметив приближающийся силуэт в белоснежных одеждах, юноша торопливо спрятал книгу за пазуху.

— Задержался во внешнем дворе из-за возникших дел, прости за опоздание, — произнёс опустившийся на землю Бай Цинюнь и тут же прищурился, глядя на рукав младшего брата: — Младший брат, а что это у тебя там так оттопыривается?

Е Цинхэ молча завёл руку за спину и поспешил перевести тему:

— Кстати, о Заклятии Встревоженной Пыли, про которое ты говорил... Вчера вечером я изучил первые три движения, однако обнаруженное продолжение из четырёх последующих фигур кардинально от них отличается. Выполнять их подряд выходит крайне неловко.

«М-да, перевёл стрелки так себе, без малейшего изящества...» — подумал Цинюнь, но как заботливый старший брат лишь пожал плечами и не стал допытываться.

Впрочем, он и так прекрасно знал, что там спрятано. Разумеется, фолиант «Записи о преданиях и курьезах совершенствования», который Цинюнь лично строчил ночи напролёт! Послушник из библиотеки давно донёс ему, что Е Цинхэ взял эту рукопись пару дней назад.

Е Цинхэ переступил порог секты лишь полтора года назад и всё это время без устали тренировался, так что о многих тонкостях орденой жизни даже не догадывался. К примеру, юноша свято верил, будто в библиотеке великой секты не может быть фальшивок. Он знал, что слово Бай Цинюня имеет огромный вес, но даже не представлял, насколько беспредельной властью тот обладает. Подкупить какого-то библиотечного смотрителя для первого ученика было проще простого.

А ведь люди устроены так, что охотнее всего верят фактам, найденным самостоятельно. Цинюнь разыграл спектакль, обитатели Тяньи разнесли слухи, а подброшенная рукопись стала последней искрой в этой комбинации. Ловушка выстроена идеальная. Е Цинхэ — всего лишь шестнадцатилетний, не изощрённый в интригах юнец: даже если он ещё сомнениями мучается, в глубине души уже поверил почти наверняка.

Эх, до чего же он, Бай Цинюнь, гениален!

Втайне восхищаясь собой, Бай Цинюнь тем временем без запинки пояснил:

— Всё дело в том, что Заклятие Встревоженной Пыли создала одна пара бессмертных спутников лет пятьсот назад. Поговаривают, они разделили работу: один придумал первые три движения, а второй — остальные четыре. Оттого-то стиль первой и второй части так разительно отличается.

— Раз так, то почему бы не разделить технику на две разные, а не объединять в одно Заклятие Встревоженной Пыли?

Бай Цинюнь протянул руку и перевернул страницу свитка:

— Погляди на титульный лист. Хотя части заклатья не состыкуются друг с другом, но если применять их вдвоём, действуя сообща, их убойная сила возрастает вдвое. И чем лучше понимание между партнёрами, тем сокрушительнее техника.

Белоснежный, изящный палец указывал на строчки. Взгляд Е Цинхэ проследил за движением руки старшего брата и замер на тонком запястье, слегка выступавшем из-под широкого рукава.

Такая безупречная, подобная нефриту кисть... А ведь именно она удерживает главный меч секты Тяньи.

Е Цинхэ резко опустил голову:

— Вот оно что... Теперь понятно, почему разница между движениями столь велика.

Они стояли почти вплотную друг к другу. Е Цинхэ сделал глубокий вдох, и его чувства мгновенно заполнил сладковатый тонкий аромат благовония Благодатного Дракона,

исходивший от юноши. Слишком близко... Стоило чуть приподнять взор, и перед глазами оказывался изящный изгиб подбородка старшего брата.

Его старший брат обладал удивительно фарфоровой кожей. Когда он обычно сидел с поджатыми губами, это не бросалось в глаза, но теперь, с такого расстояния, Е Цинхэ отчетливо различал аккуратную прядь на лбу и мягкий, едва заметный пушок на щеке.

В этот миг в поднебесье раздался чистый звон меча.

Е Цинхэ вздрогнул, мгновенно очнувшись от своих мыслей. Юноши одновременно подняли взоры и увидели, как на летающем мече плавно опускается грациозный силуэт в изумрудно-зелёных одеждах. Девушка обладала яркой, открытой красотой, и хотя она ещё не достигла совершеннолетия, в ней уже угадывалось будущее великолепие.

Это была Линьсюань.

— Цинхэ! Не ожидала встретить тебя здесь! — Ступив на землю, Линьсюань первым делом одарила Е Цинхэ радостной улыбкой.

Хотя Бай Цинюнь стоял ближе, Линьсюань первым делом окликнула именно Е Цинхэ, и лишь затем повернулась к старшему брату:

— Старший брат, о чём это вы так весело беседуете? То-то я последние дни никак не могу разыскать Е Цинхэ! Оказывается, вы оба после утренних занятий постоянно уединяетесь!

Одного порядка её приветствий было достаточно, чтобы понять, кто именно занимает главное место в сердце девушки.

Впрочем, Цинюнь ничуть не обиделся. В конце концов, этим двоим самой судьбой предназначено быть вместе, так разве может какой-то старший брат соперничать с возлюбленным?

— Ничего особенного, — с лёгкой улыбкой отозвался он. — Мы лишь хвалили твоё усердие в культивации. Технику, которую передал дядя-старейшина, ты усвоила меньше чем за три дня.

Не ожидая, что старший брат станет хвалить её прямо при Е Цинхэ, Линьсюань смущённо залилась румянцем. Она кокетливо бросила взгляд на юношу, но тот лишь отстранённо стоял в стороне. Лицо его оставалось бесстрастным, а во взгляде, кажется, скользила едва уловимая... тень недовольства?!

Линьсюань разочарованно поджала губы и слегка обиженно протянула:

— Учитель сказал, что возникло некое важное дело, и велел вам обоим немедленно прибыть на Пик Целебных Трав.

<http://bllate.org/book/20397/2108478>